

О ПРОФЕССОРЕ С.Я. БОРОВОМ (СТРАНИЧКИ ВОСПОМИНАНИЙ К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В пестром послевоенном коллективе преподавателей Одесского кредитно-экономического института особое внимание привлекал один человек – скромный, молчаливый, внутренне обособленный, с какой-то еле заметной на лице тенью недоумения по поводу того, что происходит вокруг. То был профессор С. Я. Боровой. В 1956–1957 гг. он читал нам, студентам, курс экономической истории СССР и зарубежных стран. Лекции были содержательны, ровны, но совершенно безэмоциональны. Эти же качества лектора прослеживались и в отношениях со студентами и преподавателями. Ему не свойственны были аффективное панибратство, грубое подлаживание, восторженно-назидательные интонации некоторых преподавателей идеологических кафедр. В спокойной деловой обстановке проходили занятия, заседания студенческого научного кружка, консультации, посещения археологического музея. Он живо интересовался историей родного города, писал о нем, искал и находил новые архивные документы. Однажды, в ходе экскурсии по историческим местам, находясь в сотне метров от нашего института, мы узнали, что стоим на остатках крепостной стены города Хаджибея и, что план этой крепости профессор разыскал в одном из центральных архивов. Позже, в середине 60-х годов, уже обучаясь в аспирантуре по специальности история народного хозяйства, я ближе познакомился и с биографией своего научного руководителя и с широтой его научных интересов. Родился он 30 октября 1903 года в Одессе в семье служащего. Среднее образование получил в коммерческом училище. В 1920 году поступил на юридический факультет Гуманитарного института, преобразованного в 1921 году в Институт народного хозяйства. В период обучения работал научным сотрудником исторического архива, а позже научным сотрудником библиотеки. Обучение закончил в 1924 году, получив квалификацию юриста. В 1927 году поступил в аспирантуру при Одесской центральной научной библиотеке. По окончании обучения, в 1930 году, представил две кандидатские диссертации: по библиотечному делу и по экономике. В 1937 году С. Я. Боровому была присвоена также степень кандидата исторических наук (по совокупности работ, без защиты диссертации).

В 1940 году в Институте истории АН СССР им защищена диссертация «Очерки по истории евреев на Украине в 17–18 веках» и получена степень доктора исторических наук.

С 1934 по 1977 г., за исключением нескольких военных лет, он трудился в Одесском кредитно-экономическом институте, переименованном позже в институт народного хозяйства (нынешний Национальный экономический университет). Подготовил около 200 научных публикаций. Отличительной особенностью его научной работы была многоплановость интересов. Это, естественно, нашло отражение и в структуре исследований, включавших такие основные направления:

1. Труды по истории еврейского народа («Очерки истории евреев в Украине в XVII-XVIII веках», монография «Еврейская земледельческая колонизация в старой России» (1928), публикация «Евреи в Запорожской Сечи» (Исторический сборник АН СССР, №1, 1934), материалы, вошедшие в коллективный труд о Холокосте).
2. Работы, посвященные истории города Одессы, Одесской области и Южной Украины (в целом: два раздела в книге «Одесса. Очерк города-героя» (1957); Очерк истории Одесской области и г. Одессы в «Одесском томе», «Истории городов и сел»; статья «О некоторых особенностях аграрного строя Южной Украины» в «Ежегоднике аграрной истории» (1964) и др).
3. Исследования по истории кредита и банков: монография «Кредит и банки в России» (1958), публикации «Радищев о кредите», «Декабристы о кредите»; статьи о кредитной политике.
4. Публикации литературно-исторического характера: «Мицкевич накануне восстания

декабристов» (Литературное наследство, т. 6, 1956)., об экономических взглядах А. С. Пушкина (Сборник «Пушкин и его время», Л., 1962), «О реально-исторической основе сюжета «Мертвых душ» (Вопросы литературы, № 4, 1965).

Кроме того, Саул Яковлевич был автором разделов в учебниках по истории народного хозяйства и статей в «Советской исторической энциклопедии», «Украинской советской энциклопедии» и «Энциклопедии народного хозяйства УССР».

Научно-исследовательскую деятельность ученого отличала не только разноплановость интересов. Он разрабатывал малоизученные, а временами и вовсе не изучавшиеся проблемы. Работая над книгой «Кредит и банки в России» ученый обращается к малоизвестным материалам из фондов Министерства финансов, Коммерческого и ссудного банков, Особой канцелярии по кредитной части, личной канцелярии Канкрин. Были освоены также не известные до того фонды Комиссии о коммерции, Сената и виднейших государственных деятелей того периода. Как и в повседневной жизни, в научной работе ему свойственны были: осторожность, внимательность, обстоятельность аргументов и мнений, неторопливость, ответственность и развитое чувство долга. Эти же качества он ценил и в других. Среди его знакомых и адресатов числились: известный исследователь истории казачества Д. Яворницкий, академики А. Нечкина и Б. Греков, М. Рылский. С М. Рылским он встречался и беседовал во время его приезда в Одесский государственный университет в начале 70-х годов. На похвалы профессор был скуп, но о достойных людях всегда говорил с уважением. Почти с религиозным благоговением воспринял поступок Киевского историка В. Голобуцкого, принявшего в свою семью фронтового друга И. Рознера. Подающим надежды помогал. Все его аспиранты успешно защитили кандидатские диссертации. По его рекомендации молодого одессита, будущего доктора исторических наук С. Кульчицкого приняли в отдел истории народного хозяйства и экономической мысли АН УССР. Но малопросвещенных и ограниченных избегал. Возмущался их заносчивостью и матерым хамством. Помню, с каким сарказмом рассказывал этот воспитанный человек о выступлении академика Трофима Лысенко на одном из ученых собраний. «Скажите мне вы, грамотеи, – распекал тот исследователей, – на какой высоте летит долгоносик? Не знаете!? А вот дед Овсей знает: на высоте 90 сантиметров! Вот чего стоит ваша наука!».

С. Я. Боровой знал цену таким деятелям и, когда они нахально врываются в мир его знаний, давал им достойный отпор, поражая неопровержимыми фактами. Как-то принес он одному из обкомовских чиновников, редактирующему сборник, свою статью. Тот прочел ее название, ухмыльнулся и с чувством торжествующего превосходства изрек: «Что это Вы пишете? – «теории прибавочной стоимости К. Маркса», вы думаете, их было несколько?». Саул Яковлевич не стал возражать. Попросил на минутку отлучиться. Взял соответствующую работу К. Маркса и ткнул носом незадачливого «знатока» прямо в заглавие.

С властью у него были особые отношения. Та подозревала его в буржуазном национализме. Дело доходило даже до потери работы и вынужденных покаяний. Это, однако, не изменило внутреннего презрительно-насмешливого отношения ученого к своим гонителям. Он сознавал свою правоту и духовную неодолимость. Правящую партийную элиту в узком кругу называл «кликой». Смеялся над опасениями позднего Тито по поводу будущего распада Югославии, указывая на исторические судьбы многонациональных империй. Верил в бога своих родителей и своих предков. Знал немецкий, французский и древнееврейский языки. И когда в Одессу попало исчезнувшее когда-то пушкинское кольцо, любознательные Одесситы попросили профессора перевести на русский язык выгравированную на нем надпись. Саул Яковлевич сделал это. Староеврейский текст гласил: «Господи, помоги носителю этого кольца». По своему глубинному содержанию эта краткая молитва напоминала ему, я думаю, и сердечные пожелания его родителей своему сыну: «Господи, помоги ему»... И, видя старания, усердие, трудолюбие их сына, Творец не забыл подвижника. Руах элохим (дух божий) стал его внутренней творческой силой, надеждой и опорой на пути постоянного самоутверждения и поиска истины.

Прийнято до друку 26.12.2012